

НИКОЛАС
СПАРКС

НИКОЛАС
СПАРКС

Страна грез

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С71

Серия «Спаркс: чудо любви»

Nicholas Sparks

DREAMLAND

Перевод с английского *С. Пономаревой*

Серийное оформление *Э. Кунтыш*

Компьютерный дизайн *А. Шпакова*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Park Literary Group и Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71 Страна грез : [роман] / Николас Спаркс ; [перевод с английского С. Пономаревой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Спаркс: чудо любви).

ISBN 978-5-17-159243-1

Когда-то Колби Миллз мечтал стать музыкантом и собирать стадионы по всей стране, но эти мечты давно разбились о суровую реальность. Теперь он управляет маленькой семейной фермой в Северной Каролине и вполне доволен жизнью. Однако семь лет без отдыха дают о себе знать, и Колби уезжает в отпуск во Флориду.

Там, в прибрежном баре, он впервые за долгое время берет в руки гитару. Реакция публики, а также знакомство с подающей надежды певицей Морган Ли заставляют Колби задуматься, правильно ли он поступил...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Willow Holdings, Inc., 2022

Школа перевода В. Баканова, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-159243-1

Часть первая

КОЛБИ

1

Разрешите представиться: меня зовут Колби Миллз, мне 25 лет, и сейчас — в великолепный субботний день середины мая — я сижу в шезлонге на пляже Сент-Пит-Бич, штат Флорида. Рядом стоящий холодильник заполнен пивом и водой, температура воздуха почти идеальная, а небольшой ветерок отгоняет комаров. Сзади меня располагается отель «Дон Сезар» — величественный, как Тадж-Махал в розовом варианте. Где-то в зоне бассейна звучит музыка.

Очень неплохое исполнение, если бы только музыкант иногда не сбивался. Впрочем, кто бы критиковал! Я пару раз наведывался туда и успел заметить, что отдыхающие усердно поглощают коктейли, а под этот процесс подходит практически любая музыка.

Я, кстати, неместный. И до приезда сюда никогда не слышал о Сент-Пит-Бич, а на вопрос о том, что это за местечко, отвечал: «Пляжный городок — через пролив от Тампы, недалеко от Сент-Питерсберга и Клируотера, на Западном побережье Флориды». Никто из моих земляков не знает, где это. Для большинства Флорида ассоциируется со знаменитым парком развлечений в Орlando, женщинами в бикини на пляжах в Майами

и множеством других малопонятных мест. Честно говоря, и для меня раньше Флорида была просто штатом странной формы, расположенным на Восточном побережье США.

Главная достопримечательность города Сент-Пит-Бич — великолепный пляж с белым песком, самый красивый из всех, что я когда-либо видел. На берегу расположены гостиницы и мотели на любой вкус и кошелек, но большинство районов города в основном подходят для среднего класса: их населяют пенсионеры и синие воротнички, а также семьи, предпочитающие недорогой отдых. Здесь есть и привычные рестораны быстрого питания, и торговые центры, и тренажерные залы, и магазины, торгующие дешевыми пляжными вещами. И все же, несмотря на привычные атрибуты современной жизни, город несет на себе печать уходящего прошлого.

Должен признаться, мне здесь нравится. Моя работа скорее напоминает отпуск. По контракту я должен выступать в прибрежном баре «Бобби Ти» четыре раза в неделю. Эти несколько часов оставляют мне много времени для пробежек по пляжу, сидения на солнышке и другого ничегонеделания. К такой жизни легко привыкнуть. Публика в «Бобби Ти» дружелюбная, выпивка — отличная, как, впрочем, и в отеле «Дон Сезар». А что может быть лучше, чем выступать перед благодарной аудиторией! Особенно если учесть, что я приехал из другого штата, да и не музыкант вовсе. Выступать я давно перестал и за последние семь лет играл лишь время от времени для друзей и знакомых, которые устраивали вечеринки. Я считаю музыку своим хобби. Для меня нет ничего более приятного, чем провести

день, играя или сочиняя песни, даже если у меня на это не так много времени в обычной жизни.

Преинтересная история случилась со мной здесь. Первые несколько концертов прошли для типичных, как мне казалось, посетителей «Бобби Ти». В полупустом зале сидели те, кто пришел насладиться закатом, коктейлями и разговорами на фоне ненавязчивой музыки. Начиная с третьего выступления, бар был полон, и появились знакомые лица. На четвертый вечер не только все столики были заняты, но несколько человек были готовы стоять, чтобы послушать мою игру. Почти никто не смотрел на закат, и я начал получать заявки на исполнение моих собственных мелодий. Просьбы повторить такие хиты пляжной классики, как «Summer of '69», «American Pie» и «Brown Eyed Girl», вполне обычны. Но играть музыку моего сочинения!.. А вчера вечером, несмотря на дополнительные стулья, бар не вместил всех желающих. И для тех, кто слушал прямо на пляже, специально вытащили колонки. Вначале я подумал, что все это типично для пятничного вечера, однако наш менеджер Рэй удивил меня, заявив, что такую толпу он видит впервые за всю историю бара.

Любой бы почувствовал себя воодушевленным в такой ситуации. Хотя бы чуть-чуть. И я не исключение. Но я не зазнавался. В конце концов, выступление перед подвыпившими гостями в пляжном баре, где на закате действуют специальные скидки на выпивку, — далеко не то же самое, что собирать стадионы по стране. Признаюсь, много лет назад я мечтал о том, чтобы стать «музыкальным открытием». Увы, постепенно мечты растаяли, столкнувшись с обескураживающей действительностью. Сегодня я — реалист, который пони-

мает, что наши желания и достигаемые результаты могут очень серьезно не совпадать. Кроме того, через десять дней мне придется вернуться домой, к прежней жизни.

Постарайтесь понять. Моя повседневная жизнь не так уж и плоха. Я неплохо справляюсь со своей работой, несмотря на то, что она отнимает много времени и сил. Я никогда не был за границей, никогда не летал на самолете, не слежу за новостями — мне безумно надоели все эти говорящие головы. Если вы станете рассказывать о том, что происходит в нашей стране или в мире, или попытаетесь втянуть меня в какую-то политическую дискуссию, я сделаю вид, что мне интересно, не более того. Возможно, моя позиция заденет кого-то, но я не хожу на выборы, а фамилию губернатора знаю только потому, что однажды играл в баре «У Купера», в округе Картерет, недалеко от побережья Северной Каролины, примерно в часе езды от дома.

Как-то так...

Я живу в Вашингтоне, небольшом городке, расположенном на берегу реки Памлико в восточной части Северной Каролины. Многие называют его Маленьким или Настоящим Вашингтоном, чтобы не путать мой родной город со столицей США. Как будто кто-то может их спутать! Мой Вашингтон и Вашингтон, округ Колумбия, отличаются друг от друга настолько, насколько это вообще возможно. Наша столица — это большой город и центр власти, а мой городок — маленький и провинциальный, с супермаркетом под названием «Пигли-Виггли». Население — менее десяти тысяч человек. Еще подростком я часто задавался вопросом, зачем вообще кому-то здесь жить, а большую часть жизни мечтал по-

скорее сбежать отсюда. Теперь я пришел к выводу, что есть места и похуже. По крайней мере в моем Вашингтоне всегда все спокойно, и люди у нас добрые и отзывчивые. Такие машут из палисадников своих домов проезжающим мимо автомобилям.

Вдоль реки протянулась красивая набережная с неплохими ресторанами, а для любителей искусства в городе есть театр «Тернэдж», где одни местные жители могут посмотреть спектакли в исполнении других местных жителей. Здесь есть все, что нужно для жизни: школы, магазин «Уолмарт» и рестораны быстрого питания, а погода чаще всего радует. Снег выпадает пару раз за зиму и не каждый год, а температура летом гораздо более умеренная, чем в соседних штатах Южная Каролина или Джорджия. Парусные прогулки по реке — популярное развлечение горожан. Я и сам порой под настроение бросаю доску в машину и спустя пять минут — уже на пляже, ловлю волну. Гринвилл — небольшой современный город со студенческими командами, многочисленными кинотеатрами и ресторанами — находится от нас в двадцати пяти минутах неспешной езды по шоссе.

Иными словами, мне мой город нравится. Мысли о том, что я упускаю что-то лучшее или большее, как правило, не приходят мне в голову. Я принимаю жизнь как она есть и стараюсь ничего не ждать и ни о чем не сожалеть. Неоригинально? Ну и ладно.

Таким уж я вырос. Вместе с мамой и сестрой мы жили в небольшом доме недалеко от набережной. Я никогда не знал своего отца. Моя сестра Пейдж старше меня на шесть лет, а воспоминания о маме с течением времени становятся все более расплывчатыми. Помню,

как я, совсем еще маленький, с любопытством слежу за прыгающей в траве жабой, как мама поет на кухне. Вот, наверное, и все. Она умерла, когда мне было пять лет, и тогда нам с сестрой пришлось переехать к нашим дяде и тете на их ферму в пригороде. Моя тетя — старшая сестра мамы и единственная наша родственница. И хотя они с мамой никогда не были близки, она сделала единственно правильный, с ее точки зрения, шаг — после смерти мамы взяла нас к себе.

Мои дядя и тетя — хорошие люди, но у них никогда не было детей, и потому они вряд ли представляли себе, насколько им будет трудно. Работа на ферме отнимала слишком много времени, да и мы с Пейдж были не самыми простыми детьми, особенно поначалу. Порой я был полностью предоставлен сам себе, и неприятности преследовали меня на каждом шагу: я постоянно падал, часто плакал. Наверное, тосковал по маме. Не знаю, не помню. Ну а Пейдж была классическим трудным подростком. Она мастерски умела устраивать истерики: орала, рыдала, запиралась в комнате, отказывалась от еды. Они с тетей находились в состоянии непрекращающихся военных действий, но для меня сестра была островком безопасности. Да, наши дядя с тетей старались как могли, однако ноша оказалась для них непосильной. И постепенно мое воспитание перешло в руки сестры. Именно она собирала мне завтраки в школу и провожала до автобуса, готовила по выходным суп «Кэмпбелл»* из банки или макароны с сыром из пакетика, а потом садилась смотреть со мной мультики. А поскольку мы жили в одной комнате, именно с ней перед сном я де-

* Campbell — популярная марка консервированных супов, созданная в 1869 году. Наряду с кока-колой является одним из символов американского образа жизни.

лился своими секретами. Часто она помогала выполнять дела, порученные мне по хозяйству, что не отменяло ее обязанностей по дому. С того времени и навсегда Пейдж стала для меня единственным человеком, которому я безоговорочно доверяю.

А еще она очень талантлива: всегда любила рисовать, могла часами делать эскизы, поэтому я не удивлен, что в итоге она стала художницей. Сейчас она зарабатывает на жизнь, занимаясь цветным стеклом и создавая точные копии ламп «Тиффани», которые стоят серьезных денег и пользуются спросом у дизайнеров дорогих интерьеров. Она создала себе неплохой онлайн-бизнес, и я горжусь ею не только потому, что она моя сестра и самый близкий мне человек, но и потому, что она умеет противостоять невзгодам. Хотя, признаться, бывали моменты, когда я боялся, что она не выдержит.

Не думайте, что я не ценю то, что делали для нас дядя и тетя. Да, Пейдж присматривала за мной, однако все остальное — это они. Мы с сестрой спали в удобных кроватях, каждый год нам покупали новую одежду. В холодильнике всегда было вдоволь молока и еды. С нами хорошо обращались: даже голос редко кто повышал; и, по-моему, единственный раз я видел дядю и тетю с бокалами вина — в канун Нового года, еще когда я был подростком. Сельское хозяйство — это тяжелая работа; а ферма похожа на требовательного, вечно нуждающегося в заботе ребенка, и у наших опекунов никогда не было времени да и сил на то, чтобы ходить на школьные мероприятия, водить нас на дни рождения к друзьям или полчасика поиграть с нами в мяч. На ферме просто не бывает такого времени; суббота и воскресенье — такие же дни недели, как и все остальные.

Единственное, что мы делали всей семьей, — это ужинали каждый вечер в шесть часов, и, кажется, я помню каждый из этих ужинов, потому что они были абсолютно одинаковыми. Нас звали на кухню, где мы все вместе накрывали на стол. Как только мы усаживались, тетя, скорее из чувства долга, чем из интереса, спрашивала нас с сестрой, как дела в школе.

Тем временем дядя намазывал маслом свои обязательные два куска хлеба и молча кивал, слушая наши рассказы. После этого тишина нарушалась только позвякиванием посуды. Иногда мы с Пейдж переговаривались, но тетя и дядя ели сосредоточенно, словно это была еще одна обязанность, которую им надлежало выполнять. Оба они были немногословны, а дядя, по-моему, вообще вывел молчание на новый уровень. Случались дни, когда он не произносил ни слова.

Зато он играл на гитаре. Где он научился, я не знаю, но он неплохо владел инструментом и обладал негромким приятным голосом, который притягивал слушателей. Он предпочитал песни Джонни Кэша или Криса Кристофферсона — так называемое народное кантри, и раз или два в неделю, после ужина, дядя садился на крыльце и играл. Мне было, наверное, лет семь или восемь, когда я проявил интерес к музыке, и он доверил мне гитару, а потом своими мозолистыми, заскорузлыми от работы руками показал мне основные аккорды. Я отнюдь не был прирожденным музыкантом, но дядя был удивительно терпелив. Уже тогда я понял, что нашел свое призвание. Как у Пейдж рисование, так у меня была музыка.

Я стал заниматься самостоятельно. А потом начал петь: те песни, которые пел мой дядя, других я просто не знал. На Рождество тетя и дядя купили мне акусти-

ческую гитару, а на следующий год — электрогитару, и я практиковался в игре и на ней. Так и не освоив толком ноты, я учился подбирать на слух мелодии, которые слышал по радио. В двенадцать лет я мог почти идеально повторить один раз услышанную песню.

По мере взросления работы на ферме у меня прибавилось, поэтому я не мог заниматься музыкой так часто, как хотелось бы. В мои обязанности входило каждое утро кормить кур, давать им воду, ремонтировать ирригационные трубы и собирать с табачных листьев червей, а затем их давить. Занятие воистину отвратительное. Еще в подростковом возрасте я научился водить все, что имеет двигатель, — трактора, экскаваторы, комбайны, сеялки, — и проводил за этим занятием целые выходные. Я также научился чинить и регулировать все, что ломалось, хотя со временем все меньше получал удовольствие от этого занятия. Работа по хозяйству и музыка занимали все свободное время, потому моя успеваемость в школе стала падать. Но мне было все равно. Из всех предметов меня интересовала лишь музыка, тем более что моя учительница сама была автором песен и исполнителем. Именно она помогла мне с сочинением первой песни. Мне тогда было двенадцать лет. После этого я подсел на музыку и стал писать без остановки, постепенно совершенствуясь.

К тому времени Пейдж поступила в мастерскую одного местного художника, специализировавшегося на цветном стекле, и уже по окончании школы сестра умела создавать свои собственные светильники в стиле «Тиффани». В отличие от меня, Пейдж всегда хорошо училась, просто у нее не было желания поступать в колледж. Вместо этого она решила создать свой бизнес, но

вскоре встретила парня и влюбилась. И тогда она оставила ферму, переехала в другой штат и вышла замуж. В те годы мы редко виделись. Когда у нее родился ребенок, мы изредка общались по видеосвязи через «Фейс-тайм» — обычно она держала на руках плачущего малыша и выглядела уставшей. Именно тогда — впервые в жизни — я почувствовал себя брошенным.

Сложите все вместе: перегруженных работой тетю и дядю, отсутствие интереса к учебе, отъезд сестры, ненавистную работу по хозяйству — неудивительно, что я начал куролесить. В старшей школе я попал в компанию ребят с такими же наклонностями, и мы подбивали друг друга на всякие глупости. Начали вроде бы с ерунды: бросали камни в окна заброшенных домов, звонили куда попало посреди ночи, крали конфеты из магазина... А через несколько месяцев один из парней стащил бутылку джина из отцовского бардачка. Мы встретились у реки и пустили бутылку по кругу. Я выпил слишком много, и меня тошнило всю оставшуюся ночь, но, честно говоря, никаких выводов я тогда не сделал. Думаете, я хоть раз отказался от выпивки, когда мне ее предлагали?! Как бы не так. Бесчисленные выходные я провел в полубессознательном состоянии. Моя успеваемость скатилась ниже некуда, свои хозяйственные обязанности я забросил. Мне стыдно вспоминать то время.

В десятом классе моя жизнь сделала крутой поворот: до меня дошел слух, что местная группа ищет нового гитариста.

«Почему бы и нет?» — подумал я.

Мне едва исполнилось пятнадцать, и, когда я пришел на прослушивание, участники группы не при-

няли меня всерьез — всем им было уже по двадцать. Я решил не обращать внимания, подключил свою электрогитару и сыграл соло Эдди Ван Халена «Eruption». Спросите любого знатока, и он скажет вам, что это не так просто. Короче говоря, в ближайшие выходные я отыграл свой первый концерт, проведя всего лишь одну репетицию вместе с группой. По сравнению с ними — с их пирсингами, татуировками и длинными волосами — я выглядел как мальчик из церковного хора, поэтому меня держали сзади, рядом с барабанщиком, даже во время моих соло. Музыка быстро заняла главное место в моей жизни. Я перестал стричь волосы, сделал несколько татуировок, и в конце концов группа разрешила мне выйти на авансцену. На ферме я практически перестал выполнять какую-либо работу. Тетя и дядя были в растерянности, но делали вид, что ничего не замечают, — что свело наши конфликты к минимуму. Мы даже перестали вместе ужинать. Я стал больше времени уделять музыке, фантазируя о том, как буду выступать перед толпами людей в переполненных залах.

Мне следовало догадаться, что моим мечтам не суждено сбыться, поскольку группа ничего особенного из себя не представляла. Все наши песни были в стиле истеричного пост-панка, и, хотя некоторым людям эта музыка нравилась, я уверен, что большинство слушателей были от нее не в восторге. Тем не менее нам удалось найти свою нишу: нас знали во всех забегаловках всех городов штата, включая даже столицу — город Шарлотт, и был год, когда у нас были заняты все выходные.

Однако наступил момент, когда в группе начались трения. Вокалист настаивал на том, чтобы мы играли